

родицы и в благодарность за это отдавшей всю свою военную добычу в монастырь. Независимо от того, была ли эта повесть создана в кружке Макария (как полагает А. А. Зимин) или только использовалась там, ее близость к иосифлянской идеологии не вызывает сомнений.¹²²

Так разошлись в XVI в. пути развития русской и западославянских светских литератур. Лишь в XVII в., после начала Крестьянской войны и иностранной интервенции, в период формирования общерусского рынка и нового усиления городов, памятники западославянской беллетристики вновь начинают проникать на Русь. С чешского языка был переведен «Брунцвик», с польского — ряд рыцарских романов, «Римские деяния», «Семь мудрецов», «Эзоп»¹²³ и многие другие произведения светской беллетристики. Но это произошло уже в иную историческую эпоху, в период, когда сами западославянские литературы пережили глубокий перелом после разгрома чехов под Белой горой и наступления контрреформации в Польше.

¹²² Ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 102—108.
¹²³ А. В р ü с к н е г. О literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysty, стр. 77—79; J. К r z y ż a n o w s k i. Romans polski wieku XVI, стр. 266—269.